

Милана Седина
Юнона Стангард

МОЙ ХОККЕИСТ
Железный капитан

Юнона Стангард

Мой хоккеист. Железный капитан

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой хоккеист. Железный капитан / Ю. Стангард — «Автор»,
«Автор», 2026

Я пришла в «Северный Титан» главным врачом, а не удобной девочкой с аптечкой. Но здесь от меня требуют одного: заглушить боль игроков и выпустить их на лёд любой ценой. Матвей Буров, железный капитан команды, не доверяет врачам. Пока не закрывает меня собой от летящей шайбы. Теперь его травмированное плечо — моя ответственность. А его тяжёлый взгляд, горячие ладони и нежность, о которой не знают трибуны, — моя опасная слабость. Он мечтает о Кубке Гагарина. Я не позволю заплатить за него здоровьем. Только клубный босс уже решил, кто станет расходным материалом. Чтобы сохранить его хоккей и моё имя, нам придётся встать против человека, который привык ломать людей. Вместе.

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Милана Седина, Юнона Стангард Мой хоккеист. Железный капитан

Мой хоккеист. Железный капитан
Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

В чаше ледовой арены стоял оглушительный, вибрирующий в костях гул. Двадцать тысяч глоток на трибунах ревели, сливаясь в единый звериный аккорд: синие и белые шарфы колыхались живым морем, барабаны фанатского сектора вбивали в виски бешеный ритм.

Шла тринадцатая минута овертайма седьмого матча финала конференции. До первой заброшенной шайбы — внезапная смерть, мгновенный триумф или полгода похороненных надежд.

Я стояла у открытой калитки скамейки запасных «Северного Титана», сжимая холодный пластиковый поручень. Мой белый медицинский халат остался в процедурном блоке; здесь, у кромки площадки, на мне был темный жилет клубного медштаба с красным крестом на нагрудном кармане и тяжелая полевая сумка через плечо. Я работала главным врачом команды ровно семь дней. И эти семь дней напоминали затяжной прыжок без парашюта.

Для них я была чужаком вдвойне — женщина в сугубо мужском, просмоленном потом и тестостероном закрытом мире, да еще со степенью кандидата наук и опытом экстренной хирургии в Институте скорой помощи имени Джанелидзе. Опытные массажисты косились исподлобья. Генеральный менеджер Вадим Градов при первой встрече брезгливо бросил на стол проект трудового договора: «Посмотрим, Лазарева, сколько ты здесь протянешь. Хоккей — не поликлиника для благородных девиц. Либо ты колешь то, что я скажу, либо вылетишь обратно штопать бомжей».

А капитан команды, Матвей Буров... Буров просто прошел сквозь меня, словно сквозь прозрачный морозный воздух. Двухметровая гранитная скала с тяжелым подбородком, стальными глазами и белесым рубцом над левой бровью. В его взгляде жила глухая, бронированная отчужденность воина, привыкшего рассчитывать только на крепость собственных костей и не доверявшего врачам ни на грош.

На льду шла беспощадная, ожесточенная возня у лицевого борта соперника. Воздух пах срезанным ледяным крошевом, аммиаком холодильных установок, разогретой резиной и адреналином.

Я вглядывалась в круговерть синих свитеров. Профессиональный глаз диагноста выхватывал опасные маркеры: у ведущего форварда первой тройки на прозрачном визоре шлема расплылся глубокий зубчатый скол поликарбоната. Острая стрела трещины уходила прямо к глазнице. Любой скользящий удар крюком — и осколок войдет в склеру.

— Мартынов! Смена! — крикнула я, перегнувшись через борт.

Голос утонул в реве трибун. Зрители в едином порыве вскочили: защитник гостей со всей силы выбросил шайбу по закруглению борта, разряжая обстановку.

Матвей Буров пошел на перехват.

Это было движение совершенного хищника — тяжелого, но пугающе быстрого. Капитан летел наперерез чужому нападающему, встречая его в тело. Грохот столкновения сотряс заградительное стекло: форвард москвичей отлетел на лед, взметнув фонтан искр, но его клюшка при падении спружинила о борт.

Тяжелый каучуковый диск с дикой кинетической силой срезал угол.

Скорость была запредельной — не меньше ста сорока километров в час. Черная точка возникла перед глазами, стремительно вырастая в воздухе. Шайба летела по рикошетной дуге прямо мне в переносицу. Мозг хирурга успел зафиксировать физику катастрофы: перелом костей носа, раздробленная глазница, тяжелейшая контузия. Я инстинктивно вскинула медицинский планшет и зажмурилась.

Время растянулось в ледяную каплю.

А в следующую долю секунды передо мной взметнулась стена.

Громадная, обтянутая темно-синим трикотажем с серебряным титаном на груди и алой капитанской литерой «К». Матвей Буров в отчаянном броске оттолкнулся лезвиями ото льда и рухнул в калитку скамейки, накрывая меня своим телом.

Удар был страшным. Влажный звук разорвавшегося композитного наплечника прозвучал громче выстрела. Черная шайба впечаталась точно в левое плечо капитана — в акромиально-ключичное сочленение. Брызги алой крови из лопнувшей кожи окропили черный настил скамейки и рукав моего жилета.

Сто килограммов литых мышц сбили меня с ног. Мы рухнули на пол бокса; я ударились спиной о запасные клюшки, но тяжесть тела капитана погасила удар.

От него пахло морозным ветром, гарью хоккейной коробки, горячим дыханием и тем острым запахом первобытного адреналина, который ни с чем не спутает врач экстренной помощи.

— Стоять! Не шевелись, Буров! — выдохнула я, судорожно пытаюсь вдохнуть выбитый воздух и вцепляясь пальцами в его свитер под лопаткой.

Капитан тяжело захрипел над моим ухом. Челюсти сжались так, что заходили желваки, а на лбу вздулись багровые вены. Серо-стальные глаза, расширенные от болевого шока, впились в мои зрачки.

— Цела?.. — прохрипел он сорванным басом. — Не дергайся, доктор. Пока я здесь... сюда ничего не прилетит.

— Сустав покажи! — я попыталась высвободить руку и нащупать его ключицу, но Матвей уже уперся локтем здоровой руки в пол и с глухим рычанием поднялся на ноги.

Свисток главного судьи разорвал арену. Встреча была остановлена. Рефери катил к нам, указывая на кровавые следы на резине:

— Замена защитника! Игрок с кровотечением обязан покинуть площадку!

Буров яростно мотнул головой, стряхивая капли пота со шлема, и порывался шагнуть обратно на лед:

— Я в порядке! Михалыч, выпускай первую пару!

— Стоять, я сказала! — Мой голос резанул по скамейке хлестким, поставленным операционным тоном. Я наступила носком ботинка прямо на стальное лезвие его конька, блокируя движение, и обеими руками вцепилась в расщепленный наплечник: — Буров, сел на скамью! Рука не поднимается, ключичный угол деформирован! Ты инвалидом хочешь стать прямо перед финалом?!

Парни на скамейке замерли в онемении. Никто и никогда в клубе не смел приказывать Железному капитану. Буров медленно повернул голову. В его взгляде вспыхнула дикая ярость загнанного зверя, готового разорвать каждого на пути к победе.

Я не отвела глаз. Я смотрела на него взглядом хирурга — спокойным, непреклонным, видящим повреждение насквозь.

И в глубине его зрачков эта ярость надломилась. Матвей тяжело выдохнул, опустил здоровую руку и грузно опустился на деревянную лавку.

— В туннель, — бросила я главному тренеру Михалычу, показывая жест экстренной замены. — Плечо. Дайте нам пять минут.

Седой Михалыч сжал губы и тяжело кивнул, выпуская на лед резервного защитника.

* * *

В подтрибунном туннеле гул арены превратился в глухой подземный рокот. Здесь горели холодные лампы, пахло сыростью бетона и хлоркой.

Буров шел тяжело, левая рука безжизненно висела вдоль тела. Кровь пропитала ткань свитера на плече, расплываясь темным пятном размером с блюдо.

— В смотровой, — я распахнула дверь предбанника медблока.

Капитан прислонился спиной к кафелю, запрокинув голову. По лицу градом катился крупный пот. Я подошла вплотную и медицинскими ножницами с закругленными концами одним движением разрежала ткань клубного свитера от ворота до самого локтя.

Под трикотажем обнажилось исполинское плечо — рельефное, оплетенное узлами мышц и старых шрамов, но над акромиальным отростком ключицы стремительно наливалась багровая, горячая гематома. Суставная щель была сглажена.

Я осторожно коснулась краев раны. Матвей судорожно дернулся всем корпусом, с глухим стоном вдавив затылок в стену. Правая рука сжалась в пудовый кулак.

— Не трогай... — прохрипел он, зажмурившись. — Больно, мать твою...

Я не отстранилась. Шагнув вперед, я оказалась в кольце его широких плеч. Мои холодные пальцы мягко легли на его горячие, мокрые виски, заставляя Матвея опустить голову и посмотреть на меня.

— Матвей. Смотри на меня, — произнесла я тихо, но так отчетливо, что мой голос перекрыл гул за стеной. — Дыши носом. Глубокий вдох. Медленный выдох. Я не сделаю хуже. Мне нужно знать, цела ли капсула.

Он открыл глаза. Потемневшие от боли серые глаза встретились с моими. На мгновение показалось, что я слышу, как бешено бьется его сердце. Его горячее дыхание обожгло мою щеку.

Матвей медленно поднял здоровую правую руку в тяжелой краге и бережно, едва касаясь, накрыл мои пальцы на своем виске:

— Держи, Поля... Делай что надо. Только не снимай меня с игры. Умоляю.

Впервые в жизни этот несокрушимый гладиатор произнес «умоляю». И впервые назвал меня по имени. В груди сладко и тревожно екнуло от невероятной ответственности.

Мои пальцы, натренированные тысячами пальпаций в экстренной хирургии, скользнули вдоль ключицы.

Анатомическая картина сложилась мгновенно: суставная впадина цела, кости на месте, вывиха нет, суставная губа не повреждена — удар пришелся плашмя. Но капсула растянута до предела, и сухожилие надостной мышцы получило частичный надрыв волокон. Обычный протокол требовал гипсовой лонгеты на три недели и абсолютного покоя.

Но сейчас шел овертайм седьмого матча.

В этот миг двери коридора распахнулись с грохотом. В туннель ввалились фельдшеры скорой с носилками и дежурный врач арены в помятом халате:

— Где Буров?! Носилки сюда! Срочная эвакуация в Мариинскую больницу, подозрение на перелом ключицы со смещением!

Я выпрямилась во весь рост и перекрыла дверной проем:

— Стоять на месте. Капитан остается здесь.

Дежурный врач побагровел, потрясая стетоскопом:

— Вы с ума сошли?! Это Буров! Если у него перелом, вы пойдете под суд! Отойдите от двери!

Матвей Буров медленно оторвался от стены. Он сделал тяжелый шаг вперед, задвигая меня за спину и нависая над ними всей громадой тела:

— Пошли вон. Я лечусь у доктора Лазаревой. Все остальные — за дверь. Еще одно слово — и я выброшу ваши носилки на лед.

Медики попятились перед его тяжелым взглядом и спешно захлопнули за собой дверь.

Глава 2

— Садись на кушетку и держи лед, — велела я Матвею, вкладывая ему в руку пакет с охлаждающим гелем. — Я возьму растворы в манипуляционной.

Выйдя в полутемный коридор к аптечному шкафу, я услышала странный, свистящий хрип.

На низкой банкетке под пожарным щитом сидел двадцатилетний Денис Сорокин — наш самый юный и одаренный форвард. Парень сидел, согнувшись пополам и судорожно вцепившись пальцами в колени. Тонкие плечи мелко дрожали, а из горла вырывался удушливый свист.

Я бросилась к нему:

— Денис! Что с тобой?

Я упала на колени перед ним на кафедру. Кожа юноши была мертвенно-бледной, пепельно-серой, губы отливали синевой, а зрачки расширились почти во всю радужку. В воздухе стоял резкий химический запах ментоловой отдушки и камфоры.

Я нащупала лучевую артерию на тонком запястье. Пульс колотил с частотой не меньше ста шестидесяти пяти ударов в минуту. Нитевидный, аритмичный, готовый сорваться в фибрилляцию желудочков.

— Дыши глубже! Что ты принял перед третьим периодом?! Говори немедленно, сердце встанет!

Парень в ужасе затрясся всем телом, слезы брызнули из глаз:

— Ничего... Полина Сергеевна, честное слово... энергетик из бара...

— Не лги мне!

Моя рука скользнула во внутренний карман его тренировочной куртки, висевшей рядом. Пальцы нащупали тяжелый предмет. Я выдернула флакон наружу.

Темное стекло без этикетки. Заводской штрихкод был грубо соскоблен бритвой. Я сорвала пробку: синтетический кардиостимулятор чудовищной концентрации — запрещенный препарат из черного списка ВАДА, грозящий мгновенным разрывом аорты.

Мальчишку накачали опасной химией ради взрывной скорости.

— Кто дал?! — ледяным тоном спросила я.

Денис сполз на колени передо мной, хватаясь за полы моего жилета:

— Полина Сергеевна... умоляю вас, не пишите в протокол! Вадим Николаевич лично принес перед игрой... Сказал: выпьешь две капли — будешь летать, а откажешься — завтра поедешь в ВХЛ на тридцать тысяч рублей. А у меня мама в Вологде... у нее онкология, операция на днях, Градов обещал счета клиники оплатить! Если снимете с допингом — дисквалификация на четыре года, маму не спасу!

В коридоре раздались тяжелые шаги. Из-за поворота вынырнул Смирнов — начальник охраны Градова с бульдожьей челюстью:

— Сорокин! Хватит прохлаждаться! Смена через минуту, быстро на лед!

Смирнов протянул лапищу в кожаной перчатке схватить парня за шиворот.

Я встала между ними, расправив плечи:

— Руки убрал. Игрок находится в состоянии острой токсической недостаточности и сосудистого спазма. Шаг вперед — и я нажимаю кнопку вызова чрезвычайного допинг-комиссара КХЛ. Статья двести тридцать точка один Уголовного кодекса — склонение спортсмена к допингу с тяжкими последствиями. До десяти лет колонии строгого режима. Передай это хозяину. А теперь — вон из медицинского сектора.

Смирнов побледнел, сообразив, что нарвался на монолит. Выругавшись сквозь зубы, он поспешно ретировался.

Я повернулась к Денису:

— Быстро в малый бокс, на кушетку.

Я действовала с автоматизмом хирурга. Позвала фельдшера, подключила монитор, начала неотложную помощь. Когда дыхание выровнялось, а синюшность сошла с губ, я передала Дениса дежурной бригаде — оставлять его одного было нельзя.

— Дыши носом, Сорока, — тихо сказала я. — В этом овертайме на лед ты не выйдешь. В протоколе будет все, как было, включая угрозы Градова. Я не дам ему сделать тебя крайним. Сейчас главное — твое сердце.

— Спасибо, Полина Сергеевна... Я вам до гроба обязан.

Я записала слова Дениса, сфотографировала флакон и сохранила файлы в защищенном хранилище. Затем заперла флакон с ядом Градова в стальной сейф и повернула кодовый лимб. Первая улика легла под замок.

* * *

В процедурном Буров сидел на кушетке с обнаженным торсом.

Но он был не один. Посреди комнаты в распахнутом кашемировом пальто стоял Вадим Градов. Его лощеное лицо покраснело от бешенства:

— ...ты выйдешь на лед, Буров! Мне плевать на твое плечо! Спонсоры перекроют финансирование!

Матвей сидел неподвижно, левое плечо налилось багровой синевой:

— Охрану за дверь, Градов. К суставу тебя не подпущу.

Градов обернулся ко мне и хищно осклабился:

— А, явилась! Хватит соплей. Набирай блокаду. Немедленно.

Он выставил на стеклянный столик ампулу с маслянистой белой суспензией и шприц на двадцать миллилитров с длинной иглой.

Я бросила взгляд на маркировку:

— Дексаметазон с триамцинолоном пролонгированного действия и маркаин. Ударная гормональная блокада.

— Обколешь сустав по кругу в четыре точки, — осклабился Градов. — Он не почувствует боли, забудет победную, а завтра лечи.

— Вы в своем уме?! У него частичный надрыв сухожилия надостной мышцы! Под блокадой в первом же силовом контакте связка оторвется с костным фрагментом, начнется некроз суставной губы! К утру он станет сухоруким инвалидом с полным анкилозом!

— Мне нужен финал сегодня! — Градов шагнул ко мне, обдав запахом сигар и перегара. — Ты наемная девка с чемоданчиком! Не сделаешь укол — вылетишь из профессии с волчьим билетом!

Он схватил меня за запястье потной ладонью, пытаясь силой впихнуть шприц в руку.

Прежде чем я успела вырваться, за спиной Градова взорвалась тишина.

Матвей Буров поднялся с кушетки во весь свой исполинский двухметровый рост. Его здоровая правая рука, тяжелая как молот, опустилась на предплечье Градова.

Сухой хруст сдавливаемых суставов заставил чиновника взвизгнуть. Буров сгреб его за ладканы пальто, оторвал от пола и с размаху впечатал спиной в кафельную стену:

— Еще раз тронешь ее пальцем... я сломаю тебе шею прямо здесь.

В глазах Градова заплескался животный ужас:

— Буров... пусти... ты с ума сошел...

— Матвей, назад! — я положила ладонь прямо на обнаженную, горячую грудь капитана. — Не пачкай руки перед игрой. В этом кабинете команду я.

Матвей тяжело перевел дыхание. Его стальные глаза медленно сфокусировались на моем лице, ярость уступила место повиновению: он разжал пальцы, и Градов мешком осел на пол, хватаясь за горло.

Я взяла хирургический пинцет, подцепила ампулу с блокадой и подошла к серому контейнеру для эпидемиологически опасных медицинских отходов класса Б.

Бранши пинцета разжались. Ампула разбилась о дно бака.

— Я главный врач «Северного Титана», — произнесла я ледяным тоном. — Кандидат медицинских наук Полина Сергеевна Лазарева. А не ваш карманный мясник. Ни один спортсмен не будет искалечен в этом кабинете ради ваших отчетов. Вон отсюда.

Из рации у двери раздался голос Михалыча: «Доктор, три минуты вам дам. Что с капитаном?»

Шипя угрозы, Градов выскочил за дверь.

* * *

Буров рванулся к выходу:

— Плевать на блокаду. Я выхожу так.

— Стоять! — я уперлась ладонями в его широкую грудь. — Один силовой контакт — и связка лопнет!

— Поля, седьмой матч! Пацаны умирают на льду! Я не могу сидеть на скамейке!

— Ты выйдешь, — твердо сказала я, глядя ему прямо в душу. — Но по моим правилам. Садись на кушетку и слушай меня. Если будешь терпеть — рука выдержит. Обещаю.

Буров замер и опустил на край кушетки:

— Что ты хочешь делать?

— Мою авторскую методику функционального динамического тейпирования, — ответила я, доставая рулон японского шелкового тейпа, армированного микронитями углеволокна. — Никакой химии. Мы создадим внешний скелет. Тейп накладывается с преднатяжением в восемьдесят пять процентов по вектору надостной мышцы методом декомпрессионного моста. Он заберет восемьдесят процентов ударной нагрузки, но сохранит подвижность пальцев и кисти.

Распылив ледяной криоспрей на багровую гематому, я приступила к работе:

— Будет больно. Дыши.

Мои пальцы летали по его горячему плечу с точностью скальпеля. Я моделировала новую искусственную связку, натягивая шелковые ленты и прогревая клеевой слой ладонями по рельефу могучих дельт.

Матвей сжимал край кушетки так, что жалобно трещало дерево. Желваки ходили ходунком, но он не издал ни звука. Его горячее дыхание обжигало мои волосы.

— Всё, — выдохнула я, фиксируя последний якорный виток. — Сжимай кулак. Поднимай локоть.

Матвей сжал пальцы в кулак, плавно отвел локоть и поднял предплечье до подбородка. Сустав был монолитен. Ни щелчка, ни смещения. Углеволоконные нити держали головку кости в тисках.

Лицо капитана озарилось ликующим огнем:

— Черт возьми... держит! Поля... держит! Боли нет!

— Предельная нагрузка — двадцать минут, потом клей поплывет от пота. Надевай свитер.

* * *

В туннеле перед выходом на арену Матвей сделал пробный мах клюшкой:

— Тянет кожу у ключицы, пальцы немеют на хвате.

Я мгновенно достала ножницы, приподнялась на цыпочки и сделала два продольных надреза по краям аппликации, освобождая нерв:

— Теперь?

— Чисто.

Мы выскочили к скамейке. Михалыч метался у борта с тактическим планшетом. Увидев Бурова в форме, тренер опешил:

— Матвей?! Ты сдурел?! Доктор... гарантируешь?

Я положила руку на борт и твердо посмотрела тренеру в глаза:

— Сустав стабилен. Он готов побеждать. Выпускай капитана.

Михалыч с размаху хлопнул Бурова по спине:

— Вперед, кэп! Порвите их!

Судейский свисток возобновил бой.

Через сорок секунд тафгай гостей на полной скорости понесся на Бурова у лицевого борта, целясь мощным плечом точно в больной сустав. Мое сердце рухнуло в ледяную пустоту.

Удар был сокрушительным. Заградительное стекло задрожало. Но Буров спружинил бедрами, развернул корпус и встретил соперника жестким встречным блоком. Армированный тейп погасил кинетическую волну свыше 4G!

Соперник отлетел на лед, а Матвей мягко укрыл шайбу корпусом и выкатился в среднюю зону.

Трибуны взревели:

— ТИ-ТАН! ТИ-ТАН! БУ-РОВ!

Секундомер отсчитывал последние мгновения овертайма: тридцать пять секунд, тридцать. Сорокин был в медблоке, резервного форварда Соловьева перекрыли двое. Капитан остался один против выстроенной обороны.

И Буров принял решение.

Он заложил глубокий вираж у правого круга вбрасывания. Вратарь гостей сместился, перекрывая ближний угол щитками. Матвей занес клюшку.

Особая, нестандартная геометрия изгиба углепластикового крюка компенсировала ограниченный угол отведения травмированного плеча. Он не стал задействовать надостную мышцу — он вложил в этот щелчок силу мышц спины, мощь бедер и ярость сердца.

Сухой щелчок композита разорвал воздух.

Шайба черной молнией чиркнула о нижний край перекладины и сорвала сетку ворот!

Красный фонарь вспыхнул. Завыла победная сирена.

ГО-О-О-О-ОЛ! 1:0! «Северный Титан» вышел в финал Кубка Гагарина!

Арена сошла с ума. Двадцать тысяч человек сорвались с мест. Запасные игроки с ревом перемахнули через борт, летя на лед. Но Матвей, помня о запрете на завалы, выставил клюшку, ловко уклонился от кучи-малы партнеров и помчался через площадку прямо к моей калитке.

Он затормозил у самого борта, осыпав меня сверкающим веером ледяных искр.

Толпа телекамер и репортеров окружила его со всех сторон, но Буров сдернул шлем, отшвырнув его на лавку. От его темных волос валил густой пар, стальные глаза пылали чистым, обнаженным огнем.

Матвей перегнулся через борт, обхватил ладонью мой затылок, зарываясь пальцами в волосы, и притянул мое лицо к своему. Наклонившись к самому уху, перекрывая рев стадиона, капитан хрипло выдохнул:

— Спасибо, Поля... Ты спасла мой хоккей. Мое плечо теперь только твое.

И перед объективами десятков телекамер он прижался горячим лбом к моему виску. Сердце заколотилось с бешеной, ликующей силой. Это было рождение нерушимого союза.

Глава 3

Праздник отгремел. Арена погрузилась в сон. В пустой чаше стадиона горели лишь синие софиты дежурного света, отбрасывая длинные тени на изрезанный лед.

В раздевалке первой команды стояла гулкая, звенящая тишина. Пахло шампанским и свежей краской.

Матвей сидел возле своего шкафчика под литерой «К». Адреналин окончательно выветрился, плечо висело безжизненным грузом. Вокруг синих лент тейпа расплылась пугающая чернота — глубокая гематома требовала немедленного дренажа, иначе к утру сустав сковало бы спастическим блоком.

Я стояла перед ним на коленях, разрезая пропитанный потом и запекшейся кровью тейп.
— Больно? — тихо спросила я.

Матвей не ответил. Когда последний лоскут упал в лоток, его большая, горячая ладонь внезапно накрыла мои пальцы, сжимавшие ножницы.

Капитан смотрел на меня сверху вниз. В его глазах больше не было брони — лишь щемящая тоска сильного мужчины, годами несшего свой крест в одиночестве.

— Поля, — тихо произнес он. — Приходи в полночь в восстановительный блок. К бассейну. Только ты и я. Мне нужно знать правду о моей руке. И о том, что нам делать дальше.

Мои пальцы дрогнули. В кармане жилета лежал ключ от сейфа с ядом Градова. Завтра начнется война.

Но отступить было некуда.

— Я приду, Матвей.

Он медленно поднес мою ладонь к своим губам и коснулся костяшек пальцев сухим, обжигающим поцелуем.

До полуночи оставалось ровно сорок минут.

* * *

Большой спортивный комплекс «Северный Титан» засыпал. Погасли рекламные экраны, утихли шаги редких охранников, и только в подземных коридорах мерно гудели компрессоры, намораживающие ледовую чашу.

Шел первый час ночи. В процедурном блоке пахло эфирным маслом сибирской пихты, камфорой и чистыми простынями. Я стояла у столика, раскладывая флаконы с разогревающими мазями, магниевым маслом и салфетками.

Дверь скрипнула. В проеме выросла громадная фигура Матвея.

Капитан был босиком, в серых спортивных штанах. Мощный, рельефный торс казался вытесанным из карельского гранита, но левое плечо неестественно вздернулось вверх. Багрово-синий отек спустился к большой грудной мышце, кожа над суставом лоснилась от жара.

Матвей тяжело переступил порог, прижимая предплечье к ребрам. Под его глазами залегли тени от изнуряющей боли, челюсти были сжаты.

После обработки ранки я убрала инструменты и потянулась к коробке за свежей парой тонких латексных перчаток.

— Стой, — глухо бросил Буров.

Он сделал шаг вперед. Его правая рука — горячая, мозолистая, с тяжелыми костяшками — легла на мои запястья. Хватка была мягкой, но властной, не давая натянуть латекс.

— Работай живыми руками, Поля, — тихо произнес он, глядя мне прямо в глаза потемневшим серым взглядом. — Я не на вскрытии. И не в морге. Твои руки лечат, а резина только холод наводит.

По пальцам прокатилась горячая волна. Профессиональная дистанция, которую я выстраивала годами строгой практики, рухнула в секунду. Я разжала пальцы, сбросив латекс в лоток:

— Садись на кушетку, капитан. Будет тяжело.

— Мне не привыкать, доктор.

Я согрела в ладонях пихтовое масло и мягко положила пальцы на его воспаленное плечо. Матвей судорожно втянул воздух сквозь зубы. Кожа под моими руками пылала.

Трапецевидная мышца и ротаторы превратились в каменную броню: организм сковал сустав защитным спазмом, оберегая надорванную связку.

— Матвей, выдохни, — тихо скомандовала я, вставая сбоку. — Опусть голову мне на плечо. Не держи вес корпуса, отдай его мне.

Буров медленно выдохнул через нос и уронил тяжелую голову мне на плечо.

Его темные волосы коснулись шеи, а горячее дыхание обожгло ключицу сквозь ворот халата. Сердце пропустило удар. Я положила ладонь ему на затылок, чувствуя жесткость мышц, а пальцами другой руки начала проникать сквозь отек.

В глубине тканей, под межбугорковой бороздой плечевой кости, подушечки нащупали плотное узловатое утолщение.

— Застарелый микрофиброз капсулы... — прошептала я. — Матвей, ты уже выбивал это плечо. И тебе просто закололи его блокадой.

— Четыре года назад, — глухо отозвался он в мое плечо. — В плей-офф против Казани. На третий день уже играл.

— Безумие... Свежий удар шайбы пришелся точно по старому рубцу. Если бы я в раздевалке послушала Градова и вколола дексаметазон с маркаином — капсула под нагрузкой омертвела бы за полчаса. Отек пережал бы канал лучевого нерва.

Я взяла тонкую иглу для рефлекторных проб и коснулась тыла его левой кисти:

— Чувствуешь?

— Глухо... как через вату.

— Вот цена его уколов. К утру твоя кисть превратилась бы в висящую плеть, и клюшку ты больше никогда в жизни не поднял бы.

Матвей приподнял голову. В его глазах вспыхнуло осознание: женщина перед ним только что спасла его от инвалидности.

— Теперь главное, — сказала я, подходя к бортику гидромассажной ванны. — Головка кости смещена кпереди на два миллиметра. Нужна декомпрессия и центрация. Но ты вешишь сто килограммов, Матвей. Силой рук я сустав не вытяну. Садись на край ванны.

Он пересел. Я встала вплотную, зажала его предплечье между своим бедром и талией, обхватив плечо обеими руками снизу. Мое тело стало для него живым рычагом Архимеда.

— Дыши со мной. Вдох... длинный выдох...

Я всем весом тела плавно подала корпус назад и вниз, создавая осевую тракцию.

Глухой, упругий щелчок раздался в суставе.

Матвей замер. Желваки дрогнули, он втянул носом воздух — и вдруг лицо его разгладилось. Спастическая судорога отпустила ткани.

— Ушла... — выдохнул он, шевеля пальцами. — Острая игла ушла, Поля. Тепло пошло!

Он вскочил, порываясь сделать мах рукой.

— Буров, стоять! — я мгновенно встала перед ним, упираясь в здоровую ключицу. — Никаких махов до утра! Связке нужен лед и покой.

Матвей посмотрел сверху вниз — и вдруг на его лице расцвела мальчишеская улыбка:

— Слушаюсь, доктор Лазарева. Ты сегодня здесь единственный командир.

Я покачала головой, чувствуя, как мелко дрожат пальцы после сорока минут силового массажа. Я повернулась к столику убрать склянки.

Матвей бесшумно шагнул следом. Его горячие ладони бережно накрыли мои кисти. Он мягко развернул меня к себе, усадил на стул, а сам опустился на колени перед моим креслом.

— У тебя руки ледяные, Поля, — тихо сказал он.

Капитан сборной взял мои пальцы в огромные ладони и начал медленно, подушечка за подушечкой, растирать каждую фалангу, согревая морозную кожу дыханием.

Между нами больше не существовало дистанции. Был только этот тихий свет, тепло его рук и два сердца, бьющихся в унисон.

* * *

В комнате отдыха горела настольная лампа под зеленым абажуром. На плече Матвея лежал криокомпресс. На столике остывали две кружки с чабрецом и мелиссой.

Я сделала глоток, собираясь заговорить о графике утренних процедур. Но слова застряли в горле.

Матвей сидел неподвижно. Он смотрел сквозь открытую дверь в процедурную — на серый контейнер, куда я бросила ампулу Градова.

— Знаешь, почему я чуть не оторвал Градову голову сегодня днем, Поля? — хрипло спросил он. — Дело не во мне. И даже не в финале Кубка.

Я пододвинула кружку к его пальцам и села рядом.

— Мой отец был заслуженным тренером республики, — начал он глухо. — Старая закалка: либо ты на верхней ступени пьедестала с золотом, либо биомусор. Боль — иллюзия слабости, так он орал нам с братом с пяти лет, выгоняя на лед в тридцатиградусный мороз.

— Он сломал тебя? — тихо спросила я.

— Меня сложно сломать, я уродился дубовым, — Матвей горько усмехнулся. — Он сломал Костю. Моего младшего брата. Ему сейчас двадцать четыре года. Костя был гением, Поля. Правый крайний форвард с редчайшим праворуким хватом и кистевым броском под сто пятьдесят без замаха. В девятнадцать лет его имя уже стояло в первых раундах драфта НХЛ.

Капитан сжал пальцы так, что побелели костяшки:

— Пять лет назад. Финал молодежного чемпионата мира. У Кости на тренировке захрустело колено — надрыв мениска и боковой связки. Врач молодежки встал насмерть: мальчика на лед нельзя, нужна артроскопия! И тогда в раздевалку пришел Вадим Градов. У Градова горел агентский контракт со скаутами — миллион долларов комиссионных. Градов уволил доктора за десять минут. Привел мясника с тройной блокадой гидрокортизона и кеторолака. А отец стоял рядом и орал Косте в лицо: «Коли, щенок! Докажи, что ты мужик!»

Я сжала пальцы, с ужасом понимая системный почерк Градова.

— Косте всадили блокаду в сустав, — продолжал Матвей. — На третьей минуте его встретили в тело у борта. Без боли он не сгруппировался. Сустав вывернуло. Связка в лохмотья, надколенник вырвало с костью. Три операции, титановые болты. Пожизненная хромота и трость. Карьера сгорела за три минуты. Отец ушел из семьи от позора, что вырастил калеку. А Градов повесил на нашу семью липовые долги за швейцарскую клинику: «Либо старший брат подписывает кабальный контракт с "Титаном", либо отсужу у матери квартиру».

Матвей посмотрел на свои ладони:

— Я подписал контракт, Поля. Я играю здесь только ради того, чтобы Градов оплачивал счета Кости в нейрореабилитационном центре. Я гладиатор на зарплате у человека, искалечившего моего брата.

Я пододвинулась ближе, взяла его тяжелую ладонь в обе руки и крепко сжала:

— Ты потрясающий брат, Матвей. Но ты больше не один. Мы снимем эту удавку. Я клянусь честью врача: мы спасем Костю и уничтожим Градова по закону.

Буров долго смотрел на наши соединенные руки. Напряжение в его плечах растаяло. Он поднес мою ладонь к губам и поцеловал пальцы:

— Спасибо, Поля.

Затем он поднялся, подошел к вешалке и снял клубный бомбер темно-синего цвета с номером «71» на спине.

Он бережно набросил куртку мне на плечи. Она была огромной, пахла морозным катком, кедровым одеколоном и теплом его кожи, укутывая уютно до самых колен:

— Пойдем, доктор. Хватит мрака. Я покажу тебе то, что лечит лучше лекарств.

Глава 4

Мы шли по темному туннелю. Матвей крепко держал меня за руку. Воздух наполнялся чистым морозным духом свежезалитого льда.

Мы вышли к командному борту.

Двадцатитысячная арена спала. Под куполом горели редкие синие софиты, бросая сапфировые тени на зеркальное полотно площадки. Стояла гулкая тишина.

— Матвей, я в ботинках на лед не пойду, нас оштрафуют, — шепотом улыбнулась я.

Буров усмехнулся, открыл нижний отсек шкафчика у калитки и достал коробку. Внутри лежали белоснежные фигурные коньки из мягкой кожи:

— Тридцать восьмой размер. Я приготовил их еще три дня назад, Поля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.